

40. И такъ рѣчь скорѣе надо считать дѣломъ тѣхъ, кто вынудили ся необходимость, чѣмъ дѣломъ сочинителя. Я же молю боговъ, чтобы души ваши тронуты были сказаннымъ и чтобы вы исправились.

За Олимпія (orat. LXIII).

1. Я не былъ бы болѣе въ состояніи выносить этихъ людей, которые не могутъ прекратить своихъ поношеній на Олимпія, каковыя, такъ какъ его нѣтъ въ живыхъ, на мертваго они направляютъ безъ опаски.—Надо же имъ дать почувствовать, что не совсѣмъ онъ мертвъ, разъ живы его друзья.

2. Изъ нихъ мнѣ первому надлежало показать, что я не легко сношу эти обиды, такъ какъ я больше другихъ воспользовался его мужествомъ. Вѣдь возмутительно было бы, если бы, въ то время, какъ онъ не избѣгалъ никакого труда, который могъ бы улучшить мое положеніе, я не воздалъ ему благодарности словомъ. Если порицатели его полагали, что таковаго не послѣдуетъ, пусть узнаютъ, что предположеніе ихъ было невѣрно. Если же они думали, что справедливость требовала, чтобы я написалъ, постыдно было бы мнѣ оказаться ниже ожиданій враговъ.

3. Я знаю, конечно, что подниму противъ себя войну,—вѣдь тѣ, которыхъ ожидаетъ изобличеніе ихъ несправедливости, придумаютъ всевозможныя средства противъ меня, и, если смогутъ, то и выполнять. Но мнѣ не подобаетъ побояться больше ихъ козней, чѣмъ измѣны своему долгу передъ другомъ. Вѣдь если бы онъ подвергся этому при жизни, когда былъ въ состояніи самъ себѣ помочь, и при этомъ условіи меня не похвалили бы за молчаніе, но въ этомъ было бы менѣе предосудительнаго. Но если бы оказалось, что я пренебрегаю своею по отношенію къ умершему единственною помощью, какая остается отшедшимъ со стороны живыхъ людей, я не подыскалъ бы никакой приличной отговорки, молчаливымъ своимъ отношеніемъ почти становясь въ уровень съ злорѣчивыми людьми.

4. Далѣе, я надѣялся, что много похвальнаго скажутъ о немъ жители города, соображаясь съ тѣмъ, какъ было до этой болѣзни и какъ часто во время нея они ежедневно приходили посѣтить его, на перебой другъ передъ другомъ, и, можетъ

быть, надо добавить къ днямъ и ночи. Вѣдь и ночью они тревожили лѣстницу, поднимались, спускались, опять то, опять это, и если врачи не позволяли входить туда, гдѣ онъ лежалъ, садились у дверей и бесѣдовали со служанками. 5. Итакъ я думалъ, когда приключилась смерть, что люди эти будутъ вѣрны себѣ и раздадутся голоса ихъ, согласные съ ихъ поступками. А они...., какъ выразиться достаточно сильно относительно ихъ непослѣдовательности? Если бы все время, не переставая, они его осуждали, и при томъ въ одномъ под-вергаясь обидамъ съ его стороны, въ другомъ сами его под-вергнувъ таковымъ, они не излили бы противъ него столько рѣчей, расхаживая по всему городу.

6. Какова же причина этихъ рѣчей? Одни заявляютъ, что нигдѣ не значатся въ завѣщаніи, и винять за это. Побесѣдуемъ же сперва съ этими. Какъ же, любезнѣйшіе, онъ обдѣлил своимъ достояніемъ всѣхъ воиновъ, всѣхъ адвокатовъ, и всѣхъ декуріоновъ, никого не минуя? Вѣдь если бы онъ превосходилъ богатствомъ и капиталомъ заравъ Мидаса, Креза и Кинира, онъ не въ состояніи бы былъ удовлетворить этой страшной жаждѣ наживы столькихъ людей.

7. Да и какое право у нихъ было по отношенію къ Олимпію? Ни въ далекую дорогу не пускались они по его призыву, ни вынесли долгаго и труднаго плаванія ради его выгоды, ни кораблей не спускали, рискующихъ потерпѣть аварію. Пренебрегая своими интересами, не тратили они долгаго времени на ежедневныя бесѣды ему въ утѣшеніе. Но не могутъ они сослаться и на общеніе въ трапезѣ, или банѣ, или забавѣ, или на то, что, схватившись въ дракѣ съ тѣми, кто ему причинили зло или намѣревались это сдѣлать, давали и получали удары. Но если, остановивъ кого ниб. изъ нихъ, спросимъ: „За что ты требуешь признательности со стороны Олимпія?“ ничего не сможетъ онъ сказать другого, какъ только то, что человѣкъ произошелъ отъ человѣка и что онъ одинъ изъ тѣхъ, кто „вкушаютъ плода пашни“. Дивлюсь, какъ не злословятъ его и погонщики ословъ, и содержатели муловъ, и тѣ, кто привозятъ къ намъ продукты полей на верблюдахъ.

8. Такъ, вчера нѣкто, явившись откуда то, заявилъ, что обиженъ завѣщаніемъ. „Вѣдь изъ декуріоновъ, заявляетъ онъ, никто не получилъ ничего, хотя бы самой малости, и при

томъ изъ людей, оказавшихъ ему услуги“. Дѣйствительно, за тѣ благодѣянія, какія онъ оказалъ куріи вообще и въ частности каждому, онъ встрѣчалъ кое въ чемъ послушаніе себѣ и не встрѣчалъ противодѣйствія.

9. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это онъ воспрепятствовалъ заключенію въ тюрьму куріи, когда городъ трепеталъ въ ожиданіи гнѣва государя, одинъ выставивъ себя поручителемъ, въ то время, какъ другіе озабочивались своими дѣлами, онъ, который, приглашая располагать своимъ состояніемъ тѣхъ, кто вступали въ отправленіе литургіи, устранялъ всякій страхъ, онъ, который успокаивалъ правителей въ ихъ гнѣвѣ, дѣлалъ ихъ кроткими, внушалъ имъ не лишать подобающаго почета декуріоновъ. Его благодѣянія этимъ людямъ многочисленны и велики, а то, чѣмъ они оплачивали, и незначительно, и рѣдко, такъ что онъ умеръ, оставивъ ихъ въ долгу передъ собою.

10. Какъ же, въ такомъ случаѣ, онъ остался долженъ вознагражденіемъ за тѣ благодѣянія, которыя имъ оказаны? Это подобно тому, какъ если бы кто врача, возстановившаго съ одра болѣзни недужнаго, заставлялъ бы платить еще и деньги, тому, кто избѣжалъ болѣзни, или, влянусь Зевсомъ, кормчаго владѣльцу корабля за спасеніе корабля, или учителя краснорѣчія тому, кто обучился искусству слова. Курія сдѣлала то или другое, согласно его желанію, чтобы это было; такъ и онъ—то или другое, выполненія чего она желала.

11. Что же касается тѣхъ, которые поддерживаютъ въ судахъ тяжущихся и помогаютъ имъ, прежде всего замѣчу, что они получаютъ за помощь свою вознагражденіе, большее назначеннаго, благодаря старанію Олимпія, и было бы съ ихъ стороны несправедливымъ винить завѣщаніе, что они не включены въ него, когда они имѣютъ ту плату, за которую оказывали помощь. Вѣдь и продавцы прочаго товара не требуютъ въ завѣщаніяхъ покупателей какой ниб. взятки послѣ той цѣны, какую получили за проданное. А у того, кто выигралъ и по завѣщанію, есть иное основаніе въ прибытку, какаго у васъ я не нахожу. Но тотъ добытокъ вашъ личный, а этотъ чловѣкъ кое-что и сдѣлалъ, о чемъ теперь говоритъ не время. Но не смотря на то, много злословія со стороны обѣихъ группъ, и декуріоновъ, и адвокатовъ, ихъ же примѣру

слѣдуютъ тѣ, кому злословіе, исходящее отъ ничегонедѣланія, — пріятно.

12. Для отвѣди тѣмъ, кого подвигло къ злословію отсутствіе получки, пока достаточно сказаннаго. Но чѣмъ еще справедливо можетъ возмутиться всякій, изъ за чего какъ не воззвать къ землѣ, небу и морю, и богамъ, и демонамъ каждаго изъ этихъ элементовъ, это то, что одни и тѣ же люди и злословятъ, и почтены, и являются участниками въ завѣщаніи, и поступаютъ, какъ не получившіе въ немъ части, и онъ даетъ съ похвалою, а они пріемлютъ съ поношеніемъ, и того, отъ чьего дара не уклонились, того преслѣдуютъ всюду, гдѣ ни бываютъ, дома ли, на площади, у правителей, на повозкѣ ли, сидя ли въ другомъ мѣстѣ, или гуляя. Думаю, они поступаютъ такъ и въ своихъ свидѣніяхъ.

13. Если онъ — лукавъ, преступень, врагъ богамъ, почему не избѣгаешь его даровъ? Если же берешь, признавая его за честнѣйшаго человѣка, зачѣмъ же на такого клеветнешь? Зачѣмъ, взявъ отъ человѣка, не получившаго ничего, злословишь? Зачѣмъ, безъ вниманія къ тому, что дано, хулишь изъ за того, что не дано? „Тому, говоритъ таковой, больше, а мнѣ не столько“. Другой бранить за то, что этому столько же, сколько ему. Что же приходилось дѣлать Олимпію, если не слѣдовало ни того, ни другого, и осужденіе вызывалъ и равный, и неравный раздѣлъ?

14. А между тѣмъ, мы знаемъ, и отцы относятся такъ къ дѣтямъ, одному даютъ больше талантовъ, другому и меньше, а иные, мы знаемъ, дѣлятъ поровну каждому. Въ одномъ случаѣ представлялось справедливымъ первое, въ другомъ — второе, и тѣ удовлетворяются. Въ данномъ же случаѣ обида то и другое, и то, если не столько, сколько другой, но меньше, и то, сколько другой, но не больше. И они не принимаютъ во вниманіе написанныхъ здѣсь завѣщаній людей бездѣтныхъ и того, что любой назвалъ бы эти завѣщанія благоразумными, а олимпіево безумнымъ, что тѣ и сохраняли подобающія границы, а это выступило изъ нихъ безъ всякаго удержу.

15. И если ужъ нужно за что винить Олимпію, можно было бы выставить противъ него то, что онъ не наложилъ браздовъ своему завѣщанію, но такими записями расточалъ своенное долгимъ трудомъ. Такъ значить, тотъ упрекъ они ему бросаютъ, а это обстоятельство замалчиваютъ, какъ люди

въ одномъ уступающіе личному интересу, а въ другомъ отдающіе должное требованіямъ истины? Такъ слѣдовало бы, и, пожалуй, иной, если и не безъ труда, снесъ бы такое отношеніе. Но въ дѣйствительности, кто не потеряетъ всякое терпѣніе предъ избыткомъ направленныхъ на него обвиненій? Они заявляютъ, что и Керкопсы, и Сизифъ, и Фринондъ, и Еврибать пасуютъ предъ уловками, ухищреніями и плутнями Олимпія.

16. Значить, этого Еврибата и Фринонда вы ублажали весь этотъ длинный рядъ лѣтъ, чувствуя его самыми отборными наименованіями наравнѣ съ полубогами? И до того, что люди, состоявшіе съ нимъ въ дружбѣ, вызывали зависть со стороны тѣхъ, кто не были ему близки, и послѣдніе всячески домогались его дружбы. Вѣдь они знали, что таковая могла служить прибѣжищемъ въ бѣдѣ и средствомъ получить ту или иную выгоду.

17. И эти и еще болѣе усиленныя ухаживанья слѣдовали и все прочее время, и тогда, когда гнела его болѣзнь, и сейчасъ по разлукѣ его съ жизнью, вплоть до самаго запечатаннаго завѣщанія. Дѣло въ томъ, что каждый надѣялся видѣть себя на слѣдникомъ, а когда ножъ разрѣзалъ узелъ и снялъ печати, выводя на свѣтъ все, и когда тѣ, кто жили въ увѣренности на получку, увидали иное, сравнительно съ тѣмъ, чего ждали, по пословицѣ, съ оборотомъ черепа¹⁾, раздаются слова: „Погубитель, обманщикъ, влятвопреступникъ, потопитель, грабитель, врагъ справедливости, ни людей не боящійся, ни боговъ не чтущій“!

18. Видно, одинъ и тотъ же человекъ и плутъ, и честенъ, и врагъ богамъ, и другъ, и вѣнковъ достоенъ, и наказанія, при чемъ то и другое опредѣляется завѣщаніемъ, одно до его вскрытія, другое по вскрытіи. И тѣ, кто раньше поддѣльвались къ нему, вопять, что онъ не стоитъ и погребенія, зная, что нѣтъ ничего легче для живого человека избидѣть мертвого. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, какой судьбѣ подвергаются трупы со стороны тѣхъ, кто желаютъ обогатиться на счетъ могилъ. А если бы кто ниб. изъ боговъ внезапно воскресилъ его, какъ тѣхъ, о комъ гласитъ молва²⁾, у этихъ обидчиковъ

¹⁾ Срв. т. I, стр. 107, 1.

²⁾ Срв. ер. 285: «ты не воскресишь мертвого, какъ въ мѣсахъ», гдѣ издатель писемъ *Вольфъ* видѣлъ даже намекъ на Спасителя.

душа ушла бы въ пятки и не падали бы они словъ и снова стали бы хвататься за руки его, можетъ быть, и колѣни, такъ велика ихъ забота о любостязаніи.

19. „Вѣдь онъ каждому изъ насъ, говорятъ они, обѣщаль наслѣдство“. По какой необходимости? Какую силу усматривая въ васъ, какую немощь въ себѣ? Какихъ враговъ надѣясь погубить¹⁾ при вашемъ посредствѣ? Какое золото умножить у себя? Какое серебро? Какую землю? Какія поля? Если не это, устраненіе какой опасности покупая? Развѣ это подалъ на него доносъ въ томъ, что онъ покушался на домъ императора, и улики были наготовѣ и кара—смерть, и только отъ васъ однихъ зависѣло погасить дѣло, и наслѣдству надлежало служить вознагражденіемъ, второму предстояло принести ему спасеніе?

20. Развѣ онъ не былъ молодъ и извѣстенъ, грозенъ и необоримъ своей властью унизить другихъ и больше привыченъ обращать въ бѣгство, чѣмъ самъ тому подвергаться, а ваша сила, правда, тоже велика, но развѣ не слабѣе, чѣмъ его? Такъ какъ же это съ вашей стороны не было ни большихъ, ни меньшихъ обѣщаній ему, а съ его стороны вамъ они были столь значительны? „Но не все, но третью, четвертую часть“. Видно, и таковая столь значительна и ничѣмъ не оправдывается.

21. Слѣдовательно, не сказалъ онъ ничего подобнаго и нынѣшнему нашему правителю, зная, что онъ справедливъ и что онъ будетъ стоять на почвѣ права и что не пришлось бы предъ такой инстанціей твердить о деньгахъ, такъ мало можно было рассчитывать на успѣхъ. Возникло бы даже опасеніе, какъ бы, лишь онъ скажетъ, тотъ, съ кривою поймавъ его на этихъ словахъ, и созвавъ лицъ, самыхъ видныхъ въ городѣ, не заявилъ, что оскорбленъ, и не подалъ бы дѣла объ оскорбленіи, скорѣе же о подкопѣ на законы и суды.

22. А если бы Олимпій, дѣйствительно, сказалъ что ниб. подобное, а тотъ выслушалъ безъ протеста. и теперь сердится за незначительность дара, онъ тѣмъ, конечно, заявляетъ во всеуслышаніе: „Я ничѣмъ не равняюсь отъ тѣхъ, кто мною были приговорены, кто изрыгнули присвоенное и подвергались

¹⁾ *καταχώσεν*. Противъ поправки Förster'a s. t., срв. orat. XLII § 14 т. I, стр. 185.

наказанію, но,—и за это по справедливости я подлежалъ бы карѣ вмѣстѣ съ ними,—беру, по нравственнымъ убѣжденіямъ стоя наравнѣ съ ними, хотъ выше ихъ по общественному положенію“.

23. Говоря то же самое и о другихъ лицахъ, находящихся у власти, тѣ, кто претендуютъ на ихъ дружбу, заставляютъ меня заявить то же самое и о нихъ, что они прошли много административныхъ постовъ со мздоимствомъ, во время судопроизводства интересуясь тѣмъ, чтобы нѣчто получить, и взимая по предварительному соглашенію.

24. Но я полагаю, никакого подобнаго обѣщанія не бывало и человекъ этотъ не былъ обманутъ. А если бъ и въ самомъ дѣлѣ такъ было, я бы извинилъ этотъ обманъ по отношенію къ недобросовѣстнымъ правителямъ. Вѣдь инымъ путемъ никакъ нельзя было добиться своего права, какъ внушивъ имъ преувеличенныя надежды. Обстоятельства требовали шутовства и заманиванья тщетными надеждами, въ противномъ случаѣ собственныя дѣла приняли бы дурной оборотъ. Вѣдь невозможно оклеветать самый процессъ и сказать, что результатомъ обѣщаній была несправедливость по отношенію къ противной сторонѣ.

25. „Но, говорятъ, сверхъ того, что онъ не соблюлъ обѣщаній имъ, онъ грѣшилъ, давая какъ можно больше нѣкоторымъ людямъ недостойнымъ“. И они называютъ то и другое опредѣленное лицо. Но если бы онъ имъ далъ и втрое столько, онъ поступилъ бы справедливо. Вѣдь онъ отдавалъ то, чѣмъ былъ въ долгу. Въ самомъ дѣлѣ, кто не знаетъ, что оба эти человека были гаванью Олимпію, убѣжищемъ, утѣшеніемъ, услудою, поводомъ къ веселью, лекарствомъ отъ печали? 26. Такъ презрѣвъ собственные интересы и посвятивъ жизнь служенію его желаніямъ и всецѣло отдавъ ему свое вниманіе, они превзошли всякую заботливость: родителей, дѣтей, братьевъ и, сверхъ того, слугъ, такъ какъ они трудятся больше этихъ и добровольно выполняли для него обязанности тѣхъ, больше утѣхи находя въ удовольствіяхъ его, чѣмъ въ собственныхъ, въ мольбахъ своихъ поставляя его интересы впереди своихъ. 27. Итакъ, вида это, и считая это, и радуясь этому ежедневно, какъ долженъ онъ былъ поступить? обидѣть въ завѣщаніи и людей, которые не таковы были въ отношеніи къ нему, оставить въ безчестіи? По спра-

ведливости его отнесли бы тогда къ числу неблагодарныхъ, такъ какъ самъ онъ получалъ облегченіе въ ихъ трудахъ, а въ пору, когда могъ отблагодарить ихъ, съ охотою игнорировалъ, кто кого больше имѣетъ права на большую получку. Въ такихъ случаяхъ надо вѣдь принимать во вниманіе не родовитость, а любовь, усердіе, бдѣніе и труды, и не ту извѣстность, какая пріобрѣтена человѣкомъ какой либо должностью, но то, кто кого благословнѣе, кто кого пригоднѣе, кто болѣе испытанъ въ соучастіи въ дѣлахъ, способныхъ служить пробой и показаніемъ личности. 28. Спроси, что заставляло и Ахилла плакать и не давало ему спать. Не знатность умершаго припоминалась ему, ни суда и войны, что перенесли они вмѣстѣ въ плаваніяхъ и при опустошеніи городовъ. А эти люди не были сотоварищами ни въ плаваніи, ни въ войнѣ,—не было къ тому необходимости—, но одинъ управлялъ у него домою, дѣло трудное, другой, нимало не уклонялся отъ исполненія его распоряженій и, быстро повинаясь его мановеніямъ, чуть не сроднившись съ нимъ¹⁾, не тяготился даже когда его звали ночью, и онъ отгонялъ скуку, сидѣлъ рядомъ и врачевалъ вмѣсто того, чтобы спать, растянувшись на ложѣ. 29. Поэтому, если бы онъ сдѣлалъ ихъ хозяевами и всего состоянія, по справедливости это должно бы было вызывать восхищеніе. Вѣдь нравъ сильнѣе всякихъ кровныхъ связей располагаетъ къ привязанности. Любя, никто не способенъ причинить вредъ любимому, рука же отца, случалось уже, убивала сына, и рука сына—отца. Нечего говорить объ отказахъ отъ сыновей и о тѣхъ сыновьяхъ, какіе заставляли голодать родителей. Вслѣдствіе того, что подобаетъ въ такихъ случаяхъ выводить сужденіе, принимая во вниманіе самыя факты, законодатель даетъ мѣсто въ наслѣдствѣ и добродѣтели рабовъ. Такимъ образомъ, ему можетъ быть вмѣнено въ вину скорѣе не то, что онъ далъ тому лицу больше, чѣмъ подобало, а то, что онъ убавилъ его долю, сравнительно съ тѣмъ, что слѣдовало.

30. Вѣдь такъ было и со стороны матери. Нашедши, что опорю дома является Олимпій, а Мивкалъ не таковъ,—

¹⁾ *μονοῦ συμπεφυκός*, здѣсь съ инымъ отгѣнкомъ смысла, чѣмъ ерр. 367. 410, см. т. I, стр. XXVII, XXXVI.

достаточно такъ выразиться ¹⁾, одному она дала больше, другому меньше, не прибавивъ къ дару какихъ либо условій и не униживъ этимъ получившаго, но предоставивъ ему использовать дарованное по его полной волѣ. Но она возсылала мольбы, чтобы меньшей проявилъ такое отношеніе къ старшему, чтобы почестями ему возвысить его положеніе.

31. Дѣйствительно, Олимпій, считая брата за собственного сына, старался его исправить своими вразумленіями и почтилъ его двумя должностями, имѣвъ къ тому возможность при содѣйствіи префекта. А тотъ, избавившись вполне отъ декуріоната, благодаря должностямъ, поступилъ низко съ благодарителемъ и, заглушивъ въ душѣ благодарность и ниразу не напомнивъ себѣ, благодаря кому, изъ кого—къмъ онъ сталъ, сдѣлался врагомъ ему, поражалъ его и ранилъ, причинялъ ему всевозможныя непріятности, вводя хулу на женщинъ, неизвѣдавшихъ любви, ухаживавшихъ за Олимпіемъ лучше всякой толпы слугъ, будто онѣ погрязли въ постыдныхъ утѣхахъ и сильны снадобьями и чародѣйствомъ, проклиная и дѣвицъ, воспитывавшихся на попеченіи Олимпія въ утѣшеніе въ его бездѣтности, тѣмъ и другимъ угрожая тюрьмою пытками и казнью, суля, что одинъ и тотъ же день узреть и смерть Олимпія и эту судьбу ихъ.

32. Оскорбленіе это усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что угрозы произносились не исподтишка, но среди бѣла дня и во всеуслышаніе. Олимпія это естественно задѣвало за живое и онъ боялся будущаго, и ему мѣшало быть Олимпіемъ въ отношеніи къ Миккалу, когда онъ слышалъ со всѣхъ сторонъ, что у этого Миккала одна забота—наговаривать на Олимпія и что многіе изъ присутствующихъ, не вынося этихъ рѣчей, одни отскакиваютъ, другіе остаются и защищаютъ.

33. Развѣ же такое отношеніе представляется достойнымъ вѣнковъ? И Миккалъ нисколько не становился умѣреннѣе въ своемъ поведеніи, когда находились люди, увѣщавшіе его прекратить обвиненіе, какъ несправедливое и, мало того, способное повредить. А за нимъ всегда оставалось послѣднее слово и еще пуще онъ пѣлъ одну и ту же пѣсню съ зари до вечера. Даже пріемъ ванны ненадолго лишалъ его удовольствія твердить такіа рѣчи.

¹⁾ Cf. ep 574, ep. 96.

34. Значить, не Олимпій вредилъ Миккалу, а скорѣе Миккаль Миккалу, который мѣшалъ Олимпію быть къ нему милостивымъ, ударяя, нахлестывая, избивая его своими словами, вызывая его гнѣвъ, издѣваясь такъ, что заслуживалъ наказанія. Вѣдь и тѣ, которыхъ поражаютъ молніи, нужно считать, сами себя поражаютъ, такъ какъ своими преступленіями навлекаютъ на себя огонь Зевса; если же бы поступали справедливо и угождали богамъ, онъ ихъ не сжигалъ бы. И Миккаль, возжелавъ зла, очутился въ томъ положеніи, какаго хотѣлъ.

35. Но думаетъ ли кто, что Олимпій, виновникъ благоденствія для многихъ, не принадлежавшихъ къ его роду, могъ бы съ легкимъ сердцемъ возненавидѣть брата? Это невозможно. Но онъ и тутъ хотѣлъ быть полезнымъ, а тотъ его распалилъ. И такъ, когда Миккаль умеръ, поступая съ братомъ такъ несправедливо, всякій подумалъ бы, что Олимпій перенесетъ вражду на его сына. Но онъ превзошелъ ожиданія, проявивъ себя къ нему добрѣе самого родителя.

36. Находятся, далѣе, такіе господа, которые, подходя ко мнѣ и принявъ на себя личину людей, за насъ удрученныхъ, говорятъ, помавая головою, такія рѣчи, какія естественны были бы въ устахъ тѣхъ, кому всякое выступленіе противъ меня несносно. И вотъ они говорятъ: „Развѣ и въ отношеніи къ тебѣ онъ не нарушилъ справедливости, навязавъ тебѣ наименование, чреватое завистью и хлопотами ¹⁾, а давъ то, надъ чѣмъ иной могъ бы и посмѣяться, тогда какъ слѣдовало бы другимъ выполнить труднѣйшее дѣло, а тебѣ предоставить, если не что ниб. другое, то миръ, отдвигая тебя на второй планъ?“.

37. А я признаю и то, что досталось мнѣ отъ Олимпія при жизни его, самымъ значительнымъ изъ всего того, что мнѣ было кѣмъ либо предоставлено, и то, что дано по смерти, это, по вашей оцѣнкѣ, малое — важнѣе тысячи помѣстій, и даже если бы я ничего не получилъ, это не причинило бы мнѣ печали, такъ какъ дружба его подвергалась пробѣ въ кое — чемъ гораздо болѣе важномъ, какъ было бы, еслибъ онъ включилъ этотъ

¹⁾ См. orat. I, § 275 слѣд., т. I, стр. 85 сл. Введ., стр. LXXX слѣд.—См. ер. 971.

пунктъ и въ завѣщаніе, выставляя причиною того, если ничего мнѣ не оставилъ, увѣренность свою, какъ моего искренняго друга, что я самъ ничего не домогаюсь.

38. Но всеже, и при такихъ условіяхъ, нѣкоторые возымѣли надежду внушить мнѣ ненависть къ умершему, и это побуждало ихъ говорить о немъ. Но у меня остается дружба и къ умершимъ, и смерти, лишающей и общенія, я не даю лишать меня и привязанности, угождая этимъ чувствомъ, которое важнѣе приношеній цвѣтами на могилы, каковыя иной выполняетъ и съ чувствомъ неприязни, изъ боязни предъ обычаемъ. А о моемъ чувствѣ вы знаете и то знаете, какъ каждый изъ друзей, что подъ землею, живетъ въ моей душѣ. Знаютъ это еще больше ночи. Да, въ то время какъ день проходитъ въ разговорахъ съ живыми, ночи посвящены бесѣдамъ съ тѣми, и не слышу я ничего, но говорю.

39. А тѣ, кто, не смотря на такой длинный рядъ лѣтъ, не сумѣли узнать, каковъ я нравомъ, явились съ намѣреніемъ настроить враждебно человѣка, связаннаго дружбой крѣпкаго закала, воображая, что моя душа вполнѣ подъ стать ихъ душонкамъ, недужнымъ, рабынямъ денегъ. Но, если бы кто либо изъ боговъ общалъ, что онъ снова вернетъ Олимпія въ ряды живыхъ за крупную плату, о деньгахъ я не помянулъ бы ему,—ихъ у меня нѣтъ,—но показавъ на свое тѣло, сказалъ бы, пусть беретъ, если хочетъ, такъ какъ мнѣ пріятнѣе будетъ жить съ нимъ тѣмъ, что останется, чѣмъ всѣмъ своимъ существомъ, но бывъ лишеннымъ общенія съ нимъ.

40. Перестаньте же приступать ко мнѣ съ подобными рѣчами и пробовать воздѣйствовать на того, кто такому средству не поддастся. Не найдется столь ловкаго ритора или чародѣя. Итакъ я спрашиваю васъ и всѣхъ людей, гдѣ Олимпій оказался недобросовѣстнымъ, или когда, или къ кому? О его справедливости громко говорятъ многіе процессы, многіе судьи, безчисленныя судебныя палаты, заявляютъ и вы, злословащіе его, продолжительностью вашей дружбы. Вы бы, въ свою очередь, избѣгали недобросовѣстнаго, а не гонялись бы за нимъ, а вы, дѣйствительно, гонялись, а не уклонялись. Такимъ образомъ или онъ честенъ вмѣстѣ съ вами, или вы безчестны вмѣстѣ съ нимъ.

